

Маленький человек сидел у большого окна. За окном как не странно шёл дождь. Косые струи хлестали по тройным стеклопакетам норовя ворваться в комнату. Маленький человек точно знал - не ворвутся. Сюда не ворваться, и отсюда не вырваться.

Расположенное в глухом лесу здание VIP-нарколечебницы надёжно хранило тайны своих пациентов.

Сидя в современном инвалидном кресле-каталке, маленький человек смотрел, как по чуть зеленоватому стеклу стекают водяные струи. Вот и жизнь также стекла, и не заметил как.

Маленький человек не был олигархом, не был и просто богатым. Просто ещё одна гримаса судьбы.

Неожиданно встреченный одноклассник, в память о детских годах пристроил запойного знакомого в наркологию. Авось ТАМ зачтётся.

А поскольку одноклассник нынче выбился в люди и относился к категории VIP -персон, то и наркология была соответствующая.

Уход по высшему разряду и лечение, по каким - то почти секретным методикам, конечно, творили чудеса, но цирроз в последней степени и практически отнявшиеся от палёнки ноги вылечить просто не могли.

Маленький человек был благодарен однокласснику. Хотя бы за возможность умереть в человеческих условиях. А то, что последнее приключение не за горами, он знал точно. Бледная подружка уже стояла в уголке, приветливо помахивая, косой. Ну что же, не будем заставлять даму ждать.

Пришедшая с вечерним обходом сестра обнаружила в шикарной инвалидной коляске ещё теплое тело одного из VIP -пациентов. На полу, у ног ушедшего, валялась толстая потрёпанная книга.

Пока еще не совсем Поттер.

Если вы проснулись утром и у вас ничего не болит, значит, вы умерли. Я же судя по ощущениям, был живее всех живых. И это с одной стороны радовало, а с другой напрягало. Напрягало, потому что боли были не мои. Не ныла тупо полуразложившаяся проспиртованная печень, не выворачивало артрозные колени. Голова, правда, раскалывалась, но без признаков скачущего давления.

Зато болела в двух местах челюсть. Из за здорово помятых рёбер дышалось через раз.

Волосы и пол лица выпачканы, в какой - то липкой дряни. В глазах все плывет и колыхается, не желая принимать привычных очертаний.

Я попытался провести рукой по лицу и вырубился.

Господи за что! Чего я такого натворил в прошлой жизни, что не заслужил возможности, тихо избавить мир от своего присутствия.

Обычный советский человек, не вписавшийся в постперестроечные реалии и заканчивающий

свои дни на помойке.

Мне не нужен второй шанс. Мне некому мстить. Я ничего не хочу менять. За что господи!?

Мало того что мне не дали уйти в небытие, так ещё засандалили в тело глубоко мне не симпатичного книжного персонажа. Честное слово я такого не заслужил. Так я стenal, потом ныл, потом тихо ворчал под нос, пока меня не посетила, наконец, здравая мысль - а идут они все на хрен!

Не дали помереть спокойно, засунули в тушку малолетнего придурка, ну дело хозяйское. Я вам тут понаделаю делов!

И так - я Поттер! У меня тело малолетнего узника Бухенвальда, к тому же покрытое синяками и шрамами. Я ни хрена не вижу без очков, и мне восемь лет. Вот так.

Правда, не всё так плачевно. Помимо куцей памяти реципиента, мне оказалась доступна и память внедрённого в мою голову Волди. И я в отличие от бывшего хозяина тельца знаю, как всем эти пользоваться.

И самое главное - магия!

То, что вместо крови течёт по венам, то, что наполняет все тело и заставляет ливер трястись как с глубочайшего похмелья. То, что постоянно норовит вырваться наружу и устроить им тут всем.

В Поттере магии много. И с этим надо, что-то делать. И так чувствую себя как шарик. Не в смысле что вот - вот полечу, а в смысле, что лопну скоро.

Пока я медленно приходил в себя, или не в себя, в знаменитый чулан под лестницей заглянуть никто не удосужился. То ли они ждут, пока труп Поттера мумифицируется, то ли привыкли, что на мальчишке всё заживает как на собаке. И это кстати факт. Челюсть и ребра уже не болели, а зудили явно заживая. Голова тоже не болела, только из пресловутого шрама постоянно что-то выступало.

Я стал уже вставать и понемногу прохаживался по чулану. Света кстати в нём не было. Хуже постоянного зуда от заживления было только прогрессирующее желание пожрать. Живот бурчал немилосердно, а выходить из под лестницы даже ночью я пока опасался.

Магичить тоже пока было стрёмно. Вдруг чего не так, и весь дом к едрене фене разнесёт - доказывай потом что не верблюд.

И вот настал момент, когда я не выдержал. Во мне всё бурлило. Бурлила магия, только что из задницы не капала, бурлил желудок, стоная на все лады о встрече с какойнибудь заплесневелой корочкой хлеба. Бурлил переполненный мочевой пузырь. Меня ведь никто не выводил, а ссать в хате - это уж увольте.

Доведённый до ручки и мечтая только об одном - какнибудь разрядиться, я направил палец на капитальную стену и шепнул первое, что пришло в голову - Люмос!

Вспышка ярчайшего света и меня отдачей впечатало в стену. Нехренашки в чашке! Силен, однако, бродяга. Но так и убится недолго. А если так - Люмос минимум! Вспышка получилась поменьше, и отдачи не было. Прикольненько. Изображая из себя сумасшедший фонарик,

помигал ещё немного. Внутреннее напряжение вроде спало, но жрать и писать хотелось по-прежнему. К тому же сильно заболел указательный палец, который я использовал вместо палочки. Надо сделать перекур, а там глядишь и дельная мысль, проявится.

Мысль естественно появилась и была она прямо как рельс и чисто как слеза. Но её осуществлению мешала дверь. Дверь встала между мной и моими мечтами как Барлог перед Пендальфом. Там за дверью ждали меня холодильник и сортир. Подходящих заклинаний в голову не пришло, и я с разбега саданул хилым тельцем произведение неизвестного плотника. Крючок блямкнул и сломался. Вот она - долгожданная Воля.

На моё счастье была ночь. Где то наверху сотрясали храпом стены Дурсли. Вволю пописав, и набив желудок содержимым холодильника, я отправился обратно в чулан. Дверь запирать не стал.

Утро добрым не бывает. Мало того что оставшуюся половину ночи я усиленно пугал унитаз (а не надо было обжираться на голодный желудок), так ещё разбужен был самым наглым образом. Некто, громко орущий по-английски (фак через полслова) выволок меня за ногу из чулана и принялся лупцевать ремнём. Нападение было неожиданным и ответить чем - то я не смог. Оставалось сжаться под градом ударов в комочек и постараться уберечь голову.

Надолго моего мучителя не хватило, и схваченного за шкирку меня молодецким пинком водворяют обратно в чулан. Вот это я бодрячка словил с утреча.

Тело простимулированное ременным массажем зудело и ныло, а местами горело огнём.

Интересно, а род Поттеров нигде случайно не накосячил во вселенском масштабе. Иначе за что пацану такие муки. Хреново всё- таки, быть последним в роду. Накосячившие предки спокойно разлагаются в фамильных склепиках, а ты отдувайся за всех.

С Дурслями что-то определённо не так. Исхерачить пацана практически до смерти, бросить на неизвестно, сколько в чулан, вытащить только для того чтобы ещё раз исхерачить и снова ни полслова. Либо они садисты, да такие, что гестапо отдыхает, либо одно из двух.

Ну, пусть согласно канона они ненавидят магию, пусть не любят навязанного им мальчишку, но убивать то зачем. И ведь не страшатся наказания. Это о чём- то да говорит.

Ну, Дурслям дурслеево, а мне надо как то выбираться из ситуёвины. Кормить они меня не собираются. А в азарте могут и окончательно прибить. Значит надо линять. И желательно подальше. Или поближе. Поближе к волшебникам. Туда где их побольше. Где мои магические потуги останутся незамеченными.

Но тут проблемка. Мне всего восемь. И выгляжу я как анатомическое пособие, одетое в лохмотья. К тому же колдовать через пальцы ужасно неудобно. Получается только через указательные (я пробовал через другие, и даже через фигушку, но не получилось). А значит, наверное, придётся задержаться в этом гостеприимном доме. Пусть Дурслям будет хуже.

Убраться от Дурслей я всё же решил. Ненадолго. Недельки на полторы-две, пока тепло.

Аки тать в ночи совершил набег на холодильник, набив попавшую под руки сумку тем, что, по моему мнению, долго не испортится. И покедова. На волю! В пампасы!

Дурслеев городишко, как его там - Литл - какой-то, оказался совсем не великим. И всего минут

через двадцать я уже вышел на окраину и поплёлся в сторону смутно виднеющегося вдалеке леса.

По мере удаления от ПМЖ моих дражайших родственников в голове постепенно складывались и оформлялись первоочередные задачи.

Из краткосрочных - перво-наперво уйти подальше и найти место, где в относительной безопасности можно перекантоваться пару недель и всё хорошенько обдумать.

Ну а долгосрочных набирается столько, что и представить страшно. Подумаю ка я об этом завтра.

До намеченного места я плёлся долгонько. Казалось вот она спасительная тень опушки, ан нет. Короче, добравшись, я кулем свалился под первый же куст. Ноги гудели, в боку немилосердно кололо, во рту кака.

А и плевать! Торопиться то всё равно некуда, так что поваляемся ка вволю.

В блаженстве вытянув усталые ноги, я незаметно уснул.

Проснулся от того что физиономию немилосердно жгло. Вот дурень то развалился на солнце. Теперь, наверное, нос и уши облезут.

Проинспектировав сумку, выяснил, что воды я с собой не взял. Сюрприз, однако. Придётся поискать какой никакой ручеёк, не из лужи же пить.

Под эти невесёлые мысли побрёл подальше в подлесок, прятаться от жары.

Станный лесок, однако. И хотя до этого я в английских лесах не бывал, но зато вдоволь насмотрелся в своё время немецких с их аккуратными просеками и собранным в кучу валежником. Здесь же ничего подобного не наблюдалось. Сплошной бурелом.

Продравшись через густо сдобренные валежником заросли, был вознаграждён за свои мытарства. Вот оно - подходящее местечко. Каменистая крутоватая горка, вершина которой заросла кустами. Самое оно.

Солнце припекало, хотелось поскорее укрыться в тени и я, уже собравшись начать подъем, припомнил, что такие вот горочки - любимое место для змей. Ну, это пофиг. Али я не змееуст.

- Здравствуйте жители этого холма - зашипел я на парселанге - позвольте говорящему быть вашим гостем?!

В ответ камни на склонах зашевелились, и десятки самых разных змей хлынули мне под ноги.

Гилденстерн.

Йозеф Гилденстерн умирал. Не помогали ни сваренные собственноручно зелья, ни трогательная забота домовых эльфов.

Сколько - то ему осталось? Может месяц, а может и меньше. И хотя природный источник

магии под домом был по-прежнему силён, а накопители полны, Йозеф чувствовал что умирает.

И хотя по магическим меркам ему было всего ничего, что для волшебника без малого девяносто. Конец был близок.

Йозеф родился в далеком 1900 году в семье прибалтийского торговца. И был он тогда не Гилденстерном, а вовсе даже Розенбергом и имел старшего брата по имени Альфред.

Семья не была магической. И редкие вспышки стихийной магии у младшего сына всегда находили приемлемое объяснение, не затрагивающее упоминание потусторонних сил.

Да и время было такое, что не до магии. Мировая война, бесконечные переезды больше похожие на бегство. То появлявшийся, то пропадавший надолго Альфред.

К девятнадцати годам Йозеф так и не имел законченного образования. А так как не было и работы, он хвостом таскался за старшим братом.

Жизнь же Альфреда кипела. Бесконечные собрания, на которых рассуждали о несправедливом поражении в войне, о кознях жидомассонов и расовом превосходстве германской нации. Полезные и не очень знакомства. Да и статус младшего брата великолепного оратора Розенберга давал возможность худо - бедно, но сыто жить.

В 1919-м Дитрих Эккарт свел их с фон Зебботтендорфом. Именно Рудольф, сам бывший неплохим магом, разглядел в Йозефе магические задатки и помог развить их, взяв под своё крыло.

В 35-м пути братьев разошлись. Альфред с головой ушёл в политику, а Йозеф понемногу оттачивая магическое мастерство, оказался под жёсткой опекой фон Зебботтендорфа. В конце концов, именно Рудольф познакомил его с приехавшим недавно из Британии, подающим огромные надежды магом - Геллертом Гриндевальдом.

Десять лет пролетели как миг. Пока войска третьего рейха железной лавиной катились по Европе, пока старший брат делал карьеру в качестве ближайшего помощника недалёкого Адольфа, Йозеф в компании с такими же, как он доверенными лицами Гриндевальда сортировали и изучали захваченный в Европе магический хлам.

А когда русские танки подошли к границам рейха, предусмотрительный Геллерт приказал начать эвакуацию трофеев в более безопасные места. Что- то осело в сейфах Британского Гринготса, благо с гоблинами у Гриндевальда были свои, особые отношения. Что - то спряталось в специально купленных на острове магических поместьях.

Так Йозеф Розенберг стал Йозефом Гилденстерном, выпускником Хогвартса какого-то далёкого года и владельцем Гилденстерн-холла.

В апреле 45-го Гриндевальд лично посетил Гилденстерн-холл.

"Брат!" - а именно так Геллерт обращался к своим самым доверенным сотрудникам: "Похоже, мы проиграли. Проклятые русские вот - вот войдут в Берлин. Я постараюсь максимально смягчить последствия нашего поражения, есть у меня некоторые каналы.

Но ты, ты остаешься здесь. Я надеюсь не на долго. Магическая ценность сосредоточенных здесь вещей огромна и мне придётся применить "Завесу".

Запасов хватит надолго. Домовики позаботятся о тебе, и будут держать тебя в курсе о происходящем в большом мире.

Держись брат. Я обязательно вернусь".

С тех пор минуло сорок три года. Он ждал. Каждый день ходил в библиотеку, где на магических портретах были изображены соратники.

В мае сорок пятого заговорил портрет Зебботтендорфа, а в октябре сорок шестого с группового портрета вождей третьего рейха грустно помахал рукой старший брат.

Портрет Гриндевальда был всё также недвижим, и это вселяло надежду. Из приносимых домовиками газет Йозеф узнал о поединке Гриндевальда с Дамблдором, и о последующем за этим заключении Геллерта в Нуменград.

В восьмидесятом Йозеф почувствовал, что заболел. Силы, и магические и жизненные медленно покидали его.

За сорок лет Гилденстерн перебрал, изучил (насколько хватало его умений) и классифицировал все две с половиной сотни артефактов хранящихся в Гилденстерн-холле. Не получив начального магического образования он был тем не менее неплохим практическим артефактором-классификатором. Всё же общение с величайшим магом столетия принесло свои плоды. Зебботтендорф величайшим магом себя не считал, хотя в некоторых вопросах был более сведущ, чем Гриндевальд.

Возможно, среди хранимых артефактов и были вещи способные поддержать пошатнувшееся здоровье, но Геллерт был жив, и все они принадлежали ему.

Так бы и зачахнуть бедному Йозефу, но неожиданно с внешней стороны "Завесы" пришел сигнал. Приближается некто имеющий пусть и отдалённое магическое сходство с Гриндевальдом, а значит могущий пройти через "Завесу".

<http://tl.rulate.ru/book/29781/633993>